

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА ЧЕЛОВЕК И МИР ФАУНЫ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (отв. ред. — Д.В. Воробьев)

© Д.В. Воробьев

ЭТНОЗООЛОГИЯ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ ФАУНЫ? (ВВЕДЕНИЕ)

Ключевые слова: этнозоология, этнонаука, народные знания, взаимодействие человека и мира фауны, антропозоология, этноботаника

Представленные в тематической подборке статьи (авторы: Д.В. Воробьев, Н.С. Шишелов, А.А. Матусовский, Д.С. Гвоздилов) отражают направления, охватывающие общую тему, которую можно сформулировать как “взаимодействие человека с миром фауны”: антропозоологию — наиболее широкое направление, предметом которой являются отношения людей и животных в целом, на видовом уровне; этнозоологию, изучающую самые разные стороны связей представителей фауны и различных этнических групп (этнический уровень); этнозоологию как этнонауку, объектом изучения которой выступают все фаунистические виды, а предметом — представления о них, распространенные в среде той или иной этнической группы.

DOI: 10.31857/S086954150000195-4

За последние три десятилетия существенно увеличился интерес к тому, как человек в самых разнообразных аспектах взаимодействует с миром фауны и флоры; возникли научные дисциплины этноэкология и этноботаника. Существует мнение, что в российской науке этноботанические исследования получили значительно большее развитие, нежели этнозоологические (*Гресь* 2017: 317). Данная подборка статей направлена на то, чтобы хотя бы в незначительной степени нивелировать эту диспропорцию. Все работы, представленные в ней, имеют прямое отношение к взаимодействию человека с миром фауны, но можно ли их все отнести к этнозоологии? Иными словами, равнозначны или различны понятия “этнозоология” и “взаимодействие человека и животного мира”?

Этнозоология как отрасль научного знания возникла в американской научной традиции на рубеже XIX–XX вв. Впервые этот термин появляется в 1899 г. в работе

Денис Валерьевич Воробьев | <https://orcid.org/0000-0002-0401-0295> | pakamagan@rambler.ru | научный сотрудник Центра европейских и американских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

американского этнографа О.Т. Мэйсона “Аборигенная американская зоотехника” (Clément 1998: 162). С тех пор на протяжении нескольких десятилетий этнозоология воспринималась лишь как изучение того, какую роль играют животные в “традиционных” сообществах. Речь шла о различных сторонах взаимодействия с миром фауны в характерном для этих сообществ природном окружении и не распространялась на “человека цивилизованного” (Clément 1998: 163; Alves, Souto 2015: 5). Через некоторое время понятие “этнозоология” начинают использовать европейские исследователи. Тем не менее, например, во Франции первый симпозиум по этой дисциплине состоялся только в 1975 г. (Radt 1980: 165). Впрочем, интерес европейцев к различным аспектам отношения к животным и растениям и использования их “первобытными” и “туземными” народами возник значительно раньше. Достаточно обратиться, например, к трудам иезуитов, которые вели миссионерскую деятельность в Канаде XVII в. Один из первых миссионеров П. Лё Жён целую главу реляции за 1634 г. посвятил охоте и рыболовству монтанье, среди которых он проповедовал (Thwaites 1896: 294–317).

В российской науке данный термин появился, по-видимому, не ранее 1990-х годов, однако различные формы общения человека с животным миром неоднократно рассматривались советскими исследователями и задолго до этого. В качестве наглядного примера можно привести работы З.П. Соколовой, в которых изучаются религиозные верования, связанные с животными (Соколова 1972). Особое внимание исследовательница уделяет проблемам существования зоолатрии у народов Сибири (Соколова 1993).

В последующие периоды понимание предмета этнозоологии меняется в сторону расширения тематического охвата и совершенствуется. Этнозоологию начинают рассматривать как изучение знаний человека относительно использования животного мира (Alves, Souto 2015: 4), иначе говоря, как изучение вклада различных фаунистических видов в природопользование. В дальнейшем развитие данной научной отрасли идет в сторону усложнения. Исследователи обращают внимание на трансдисциплинарность знания в целом, и этнозоология воспринимается в качестве дисциплины, в которой комбинируются элементы социальных и естественных наук. Появляются труды, посвященные различным вопросам взаимодействия человека с окружающей средой, в которых методы и данные зоологии, антропологии, экологии дополняют друг друга. Субъективность социального знания объединяется с объективностью биологической науки. Этнозоология становится составной частью этнобиологического направления (Ibid.: 5).

Часто считается, что в глобальном контексте область действия этнозоологии определяется более чем широко, ее постулируют как изучение всех аспектов взаимодействия человечества с миром фауны. Таким образом, к ней можно причислить самые разные, казалось бы, очень разноплановые темы. Здесь подойдет и просто исследование промыслового хозяйства и жизнеобеспечения этнических групп, и рассмотрение профессиональных сообществ, так или иначе связанных с охотой, рыболовством и различными отраслями животноводства (скотоводством, птицеводством и т.п.). Даже изучение таких предметов материальной культуры, как, например, орудий промысла, имеет косвенное отношение к этнозоологии, поскольку они непосредственно контактируют с добываемыми животными. Важны и интересны как проблемы определения хронологического периода, опыта и стратегий domestikации некоторых видов животных, так и исследование их роли в религиозных верованиях, фольклоре, мифологии, искусстве. Иногда к области этнозоологии относят тему человека и животного (дикого и домашнего) в современном глобалистском измерении: это и юридические аспекты (например, требования зоозащитных движений, охотничье законодательство, правила рыболовства), и общественно-социальные моменты (хотя бы изучение субкультуры охотников или рыболовов-любителей), и эстетическое восприятие живых существ, не принадлежащих к виду *homo sapiens*, в современной массовой культуре. Иными словами, поле для исследований огромно.

Мне представляется, что такое широкое понимание этнозоологии не всегда выглядит оправданным. В настоящий момент часто ставят знак равенства между “этнозоологией” и “антропозоологией”, хотя, на мой взгляд, наполнение этих терминов

несколько различается: второй в своем значении существенно шире первого. Полагая, приставка “этно” в слове “этнозоология” все-таки ограничивает его смысл только этнической составляющей. Использование данного термина правомерно, когда речь идет об отношениях животных с людьми, принадлежащими различным этническим сообществам. Однако взаимодействие человека с миром фауны часто выходит за границы этнического. Если мы говорим о тех или иных связях животных и человека на видовом уровне, то в таком случае будет уместным употребление термина “антропозоология”, который значительно точнее соответствует словосочетанию “взаимодействие человека с миром фауны”. Так, гамма чувств и отношений, формирующихся между жокеем и его лошастью или (хорошим примером служит статья Д.С. Гвоздиковой) комнатной собакой и ее хозяином, независимо от этнической принадлежности последнего, никак не укладывается в рамки этнозоологии.

Удачный пример этнозоологического исследования представляет собой, например, очень интересная, хотя и, возможно, спорная статья Р. Виллерслева, П. Витебски и А.А. Алексеева, в которой идет речь о стимулах одомашнивания дикого северного оленя. Не углубляясь в конкретику, отмечу, что оригинальная гипотеза о том, что причины приручения оленя лежат в области традиционных верований (космологии, согласно терминологии, используемой в статье), представляется не совсем убедительной. По аргументации авторов, охотник вынужден проявлять жестокость, убивая зверя. При этом, он выполняет действия, указывающие на уважительное отношение к добыче, иначе в дальнейшем охотничья удача от него отвернется. Человек не может не понимать противоречия и неоднозначности происходящего и попадает в “двойную ловушку” — и так, и так плохо. Он находит выход, заменяя ненадежную охоту контролируемым жертвоприношением оленя, которого для этого сначала надо приручить (*Виллерслев и др.* 2016: 161). Мне это предположение представляется спорным, т.к. существует много данных по охотникам Канадской Субарктики, которые считали недопустимым приручение оленят-карибу, чтобы не сердить духа-хозяина этих животных. Я не стану ссылаться на сведения по народам, которые никогда не были оленеводами, но приведу свидетельство А. Миддендорфа, согласно которому тунгусы (эвенки, вероятно, юга Якутии, Амурской обл. или Забайкальского края), будучи оленеводами, считали грехом выращивание детенышей дикого северного оленя и лося. Они были уверены, что это может отрицательно сказаться на результате охоты (*Миддендорф* 1878: 707).

В западной, особенно американской, науке существует еще одно значительно более узкое понимание этнозоологии как части направления, именуемого этнонаукой, т.е. наукой самих людей, относящихся к той или иной этнической группе. Этнонаука изучает бытующие в народе как рациональные, так и иррациональные структурированные знания относительно какого-либо сюжета и стремится понять их и проанализировать с точки зрения носителей этих знаний. В нашем случае, согласно данному подходу, объектом изучения этнозоологии выступают самые разнообразные представители животного мира, а предметом — представления о них, распространенные в среде того или иного этнического сообщества.

Характерный пример классического этнонаучного подхода к этнозоологии представляют собой работы канадского исследователя Д. Клемана, знатока культуры инну — автохтонного населения канадских провинций Квебек и Ньюфаундленд. Ученым написано большое количество статей, каждая из которых посвящена определенному животному и тому, как его воспринимают и что о нем думают инну. Впоследствии эти разрозненные публикации послужили основой для книги, где рассматриваются классификации инну этих животных, анализируются представления о двадцати видах млекопитающих, наиболее важных в культуре этого народа. Автор сравнивает автохтонные и предлагаемые учеными-биологами и канадцами европейского происхождения классификации. Так, рассматривая таксономию оленя-карибу с точки зрения инну, Д. Клеман обнаружил, что, основываясь на морфологических особенностях, они выделяют три типа этого животного: лесной, тундровый и морской (*Clément* 2012: 409), тогда как евроканадцы только два — лесной и тундровый карибу (*Idid.*: 410). Далее выясняется, что инну признают и иной

вариант классификации мира фауны, в основу которого положены традиционные верования, выражающиеся в том, что у каждого животного есть свой дух-хозяин. Хозяин карibu выступает в качестве главного духа, которому подчиняются все остальные (Idid.: 410). Таким образом, Д. Клеман показывает, что в автохтонных классификациях не существует различия между рациональным и иррациональным. Сам автор также не делает этого различия, поскольку, согласно позициям этнонаучного подхода, зоологические воззрения инну обладают не меньшей научностью, нежели взгляды современного ученого-биолога. По мнению Д. Клемана, сравнение знаний инну о животных и постулатов академической зоологии позволяет последней выработать новые темы и механизмы исследований, а сами по себе автохтонная и научная системы знаний содержат больше общего, чем различного (Idid.: 9).

Среди российских исследований отметим работы И.Ю. Винокуровой, в которых затрагиваются проблемы этнонауки. В одной из ее статей речь идет о народной классификации животного мира вепами, что соотносится с главной темой зарубежной этнозоологии как этнонауки. Автор полагает, что с древности каждый народ подразделял мир фауны на определенные классы, и “критерии этого членения отличались от научных” (Винокурова 2006: 126). На первый взгляд складывается впечатление, что это высказывание противоречит основному принципу этнонауки – признанию научности народных воззрений и непротивопоставлению их взглядам современной науки. Однако в примечании И.Ю. Винокурова поясняет свою мысль на конкретных примерах, взятых из работ других авторов: “...папуасы не считают казуаров птицами; у тайских народов дикие и домашние утки относятся к зверям” (Там же: 137). То есть речь идет о расхождениях в научной биологической и народной классификациях относительно тех или иных видов животных. В таком противопоставлении нет отрицания научности народных взглядов. В работе того же Д. Клемана почти в каждой главе, посвященной отдельному животному, присутствует сравнение научной и инну классификаций, в которых есть как сходства, так и различия. Например, согласно инну, сурок обычный стоит ближе всего к скунсу и черному медведю (Clément 2012: 315), причиной чему, наверняка, служит исходящий от этих животных резкий запах. Ученые-биологи, несомненно, принимают за основу иные критерии.

Необходимо отметить, что в отечественной научной традиции существует понятие, которое отчасти можно поставить в один ряд с этнонаукой. Речь идет о давно известном концепте “народные знания”, заключающем в себе самые разнообразные наблюдения людей, в т.ч. и за окружающей природной средой. Сюда, безусловно, входят всевозможные промысловые навыки, знания особенностей поведения различных животных, на основе которых делаются выводы, например, метеорологического характера и т.п. Сюда же можно отнести и способы использования в медицинских целях самих животных (кошка ложится на грудь человека и снимает сердечную боль) или полученных из них лекарственных средств и т.п.

Не вызывает сомнений сходство данного концепта с этнонаукой. И здесь, и там люди, принадлежащие к некому этническому сообществу, формируют свои, характерные только для них представления об окружающем мире. Однако здесь есть одно существенное отличие. Во-первых, народные знания рассматривались советскими исследователями как рациональные в противовес сфере верований и обрядности. Во-вторых, уже само по себе словосочетание “народные знания” содержит некое противопоставление, отказывая традиционному познанию мира в научности, в то время как этнонаука, напротив, постулирует два скорее сходных, нежели различных научных пути познания.

Мне думается, статью Н.С. Шишелова, посвященную ихтиофауне в представлениях северных атапасков Арктического бассейна, пусть и не абсолютно, но в какой-то степени тоже будет справедливым считать написанной в соответствии с критериями этнонаучного подхода. В работе рассматриваются воззрения если и не одной конкретной этнической группы, то единого культурного континуума. Автор глубоко проанализировал основу представления атапасков о некоторых видах рыб (щука, налим) как о предпочтительных магических помощниках, от которых в процессе видения

можно было получить инкозе (силу, приносящую удачу, в т.ч. в рыболовном промысле, — одном из наиболее важных компонентов жизнеобеспечения атапасков). Обладатель инкозе представлялся носителем полезных сверхъестественных способностей, например, умения быстро раскалывать лед, завлекать рыбу в сети. Рациональное (промысловая деятельность, желание получить удачу, богатый улов) и иррациональное (магические способы промысла и обретение удачи и, как следствие, богатого улова) существуют неразрывно одно от другого, и Н.С. Шишелову удалось уловить этот базовый момент восприятия ихтиофауны атапасками. Дополнительно отмечу, что объектом подавляющего большинства трудов по этнозоологии, как мне представляется, выступают наземные животные, особенно крупные млекопитающие, тогда как работ, посвященных обитателям водной стихии, существует значительно меньше.

Текст А.А. Матусовского написан очень живо, интересно и легок для восприятия. Это, несомненно, обусловлено богатой полевой практикой автора. Все то, о чем он пишет, является результатом непосредственного наблюдения и личных переживаний. Вряд ли данную статью будет правомерно квалифицировать как этнонаучную, но она вполне соответствует этнозоологическому направлению в его широком измерении. А.А. Матусовский дает яркую картину отношения нескольких групп автохтонного населения Амазонии к своим питомцам, которых автор совершенно справедливо подразделяет на служебных животных и домашних любимцев. Много внимания в статье уделено отличиям в отношении к прирученным животным в среде амазонских индигенов и в урбанизированной среде; в последней разрыв между служебными и комнатными видами выражен значительно сильнее. Тем не менее и в индигенных сообществах можно встретить как домашних любимцев в виде привыкших к человеку ленивцев, так и служебных животных — обычных (собак) и необычных (привязанной лягушки, избавляющей жилище от опасных насекомых). Впрочем, последнюю едва ли можно назвать питомцем, поскольку пропитание она добывает себе сама.

Статья Д.С. Гвоздикова, также рассматривающая проблемы взаимодействия людей и животных, существенно отличается от других, представленных в блоке. Несмотря на тему, мы не можем прямо связать ее с этнозоологией, она лежит скорее в области зоопсихологии и социального аспекта отношений современного человека со своим животным-компаньоном — домашней собакой. Автор наглядно демонстрирует использование доминантной модели, когда хозяину обязательно следует всячески подавлять животное, которое иначе не станет воспринимать его как тоталитарного “вожака стаи” или “мудрого лидера”. Это исходит из представлений о стае псовых как изначально иерархической организации с абсолютной властью вожака. Наряду с этим хозяин подходит к животному с позиций антропоморфизма, например, что-то вербально объясняя своему питомцу и ожидая от него адекватного для человеческого сообщества ответа. Предполагается, что собака может и должна вписываться в социальную иерархию человека. В этих отношениях существуют две крайности: 1) собака понимает человеческую речь, и животное нужно подавлять, чтобы оно подчинялось; 2) собака не понимает ни слова, и с ней нужно говорить только на языке инстинктов. Д.С. Гвоздилов, на мой взгляд, вполне справедливо полагает, что изменения в этике отношений человек — собака возможны, если представить, что “иерархическая модель вовсе не естественная организация псовых, а воспринимаемая и отчуждаемая человеком характеристика общественных отношений, то отчетливее проявится ракурс социоцентрической перспективы: когда мы говорим о животных, мы говорим о людях”.

Полагаю, исследование Д.С. Гвоздикова можно было бы дополнить очень интересным наблюдением швейцарских авторов Э. Гуабо и К. Барто-Жангро об амбивалентности отношения человека ко многим домашним животным. Ученые подметили, что люди формируют два полюса в категории домашних животных, в первую очередь собак: компаньоны (питомцы, комнатные собаки) и служебные (сторожевые, пастушьи собаки). Для первых характерны гиперантропоморфизация и инфантилизация со стороны человека, тогда как статус вторых приравнивается к статусу вещи, возможно, очень дорогой, в зависимости от рабочих качеств животного, но вещи. Они

вполне могут быть уничтожены или брошены по окончании срока службы (*Guabault, Burton-Jeangros* 2010: 309). Думается, то же самое можно отнести и к лошадям.

Позволю себе сказать еще об одном направлении в этнозоологии, не отраженном в этой подборке статей, — направлении, где ключевую роль играют язык и фольклор. В данном случае франко-канадская этнозоологическая традиция, очень слабо известная российским исследователям, представляет существенный интерес. Термин “этнозоология” часто можно встретить в работах основателя традиции Ж. Руссо. Будучи одновременно ботаником и этнологом, он, в силу своих научных интересов, больше внимания уделял этноботанике (*Rousseau, Raimond* 1945; *Rousseau* 1946), однако, наряду с этим, вел также этнозоологические исследования. Следует обратиться к его статье “Гаспесийская этноботаника и этнозоология (Простые заметки)” (*Rousseau* 1948).

Для своего исследования, проведенного в 1928 г., Ж. Руссо выбрал расположенный на юго-востоке Канады сравнительно небольшой п-ов Гаспе в силу того, что его население сформировалось на основе различных этнических групп: франко-канадцев, акадийцев (выходцев из Новой Шотландии), англичан, шотландцев, ирландцев. Особенности топографии Гаспе и его труднодоступность (относительно как основного франко-канадского массива, так и Новой Шотландии) обусловили особенно хорошую сохранность фольклора. При этом фольклорные традиции этих групп находились в тесном взаимодействии. Так, существовало много селений, жители которых, имея шотландские фамилии, говорили по-французски и по культуре больше были франко-канадцами (*Rousseau* 1948: 51–52).

Культурная “консервация” и синкретизм послужили причиной сохранения многочисленных диалектных форм, в т.ч. и в названиях представителей фауны. Статья Ж. Руссо содержит пространный список местных наименований различных животных (от простейших до крупных млекопитающих) с этнографическими комментариями автора, иногда весьма объемными, и пояснениями его информантов. Например: «“Бурго” — народное название брюхоногого моллюска *Viccinium undatum*. “Бурго” — это начало омара. Это, как говорят, яйцо омара...” (Жильбер Карон, Гранд Вале). ...Бурго (рожок. — *Д.В.*) из березовой коры, применяющийся на охоте на лося, определенно ведет происхождение от наименования этого моллюска, использовавшегося прежде в качестве резонатора» (*Ibid.*: 59).

Итак, Ж. Руссо рассматривает этнозоологию с точки зрения лингвистики, через язык и фольклор. Некоторые современные российские исследователи, работающие в области этнобиологии, также являются приверженцами такого подхода. Так, В.Б. Колосова рассматривает народную ботанику славян именно в данном ракурсе, но проводит значительно более глубокий анализ, нежели приведенный в статье Ж. Руссо. В своей книге она обращает внимание не только на разнообразие наименований растений в различных диалектах и их фольклорную составляющую, но и демонстрирует, как признаки растений осмысливаются на “акциональном уровне — в различных обрядах, народной магии, медицине и ветеринарии” (*Колосова* 2009: 7), что, на мой взгляд, выводит исследование за рамки лингвистики.

Возвращаясь к вопросу о соотношении терминов “этнозоология” и “взаимодействие мира фауны и человека”, позволю себе высказать утверждение, что в них не следует видеть два равнозначных понятия. Относительно узкое понятие “этнозоология”, в силу своего ограничения некой этнической составляющей, не охватывает всей палитры многочисленных и разнообразных связей человека и остальной живой природы, тогда как “взаимодействие человека и мира фауны” видится именно всеобъемлющим и глобальным. Полагаю, термины “этнозоология” и “антропозоология” не следует рассматривать в качестве синонимов, тогда как “взаимодействие человека и мира фауны” хорошо коррелирует с “антропозоологией”. Статьи из предлагаемой читателю подборки охватывают оба кардинальных направления в антропологическом изучении фауны.

Источники и материалы

- Миддендорф 1878 — Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Часть II. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел VI. Коренные жители Сибири. СПб.: 1878.
- Thwaites 1896 — Thwaites R.G (ed.) The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610–1791. Vol. 6. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, 1896.

Научная литература

- Виллерслев Р., Витебски П., Алексеев А.А. Жертвоприношение как идеальная охота: объяснение истоков domestikasi северного оленя с точки зрения космологии // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 154–175.
- Винокурова И.Ю. Вепская народная классификация животного мира (опыт реконструкции) // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 126–139.
- Гресь Р.А. Этноботаника: отечественная и зарубежная парадигмы, направления и перспективы развития // Научный альманах. Науки о земле. 2017. № 1–3. С. 317–327. <https://doi.org/10.17117/na.2017.01.03.317>
- Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009.
- Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
- Соколова З.П. Животные в духовном мире народов Северной Сибири (теоретические аспекты изучения золатрии) // Российский этнограф. Этнологический альманах. Антропология, культурология, социология / Гл. ред. Ю.Б. Симченко, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 203–214.
- Alves R.R.N., Souto W.M.S. Ethnzoology: A Brief Introduction // Ethnobiology and Conservaton. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.15451/ec2015-1-4.1-1-13>
- Clément D. The Historical Foundation of Ethnobiology (1860–1899) // Journal of Ethnobiology. 1998. Vol. 18. No. 2. P. 161–187.
- Clément D. Le bestiaire innu. Les quadrupèdes. Collection “Mondes Autochtones”. Québec: Presse de l’Université Laval, 2012.
- Gouabault E., Burton-Jeangros C. L’ambivalence des relations humain-animals: Une analyse socio-anthropologique du monde contemporain // Sociologie et société. 2010. Vol. 42. No 1. P. 299–324.
- Radt Ch. L’Homme et l’animale. Premier colloque d’ethnzoologie. Intro de Raymond Pujol // Le Monde alpin et rhodanien. Revue regionale d’ethnologie. 1980. No 1–2. P. 165.
- Rousseau J., Raymond M. Études ethnobotaniques québécoises // Contributions de l’Institut botanique de l’Université de Montréal. Montréal, 1945. No 55.
- Rousseau J. Notes sur l’ethnobotanique d’Anticosti // Archives de folklore. 1946. Vol. 1. P. 60–71.
- Rousseau J. Ethnobotanique et ethnzoologie gaspésiennes (Simple notes) // Archives de folklore. 1948. Vol. 3. P. 51–64.

Editor’s Introduction

Vorobiev, D.V. Ethnzoology or the Interaction of Humans with the World of Fauna? (An Introduction) [Этнозоология или взаимодействие человека с миром фауны? (Введение)]. *Этнографическое обозрение*, 2018, no. 4, pp. 5–12. <https://doi.org/10.31857/S086954150000195-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Denis V. Vorobiev | <https://orcid.org/0000-0002-0401-0295> | pakamagan@rambler.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords:

ethnzoology, ethnoscience, popular knowledge, human animal relations, anthrozoology, ethnobotany

Abstract

This article introduces a special theme of the issue discussing the area of research that could be broadly termed as the “interaction of humans with the world of fauna” and that draws on explorations within anthrozoology which focuses on relationships between humans and animals at the level of species; eth-

nozoology which studies various bonds between people, ethnic groups, and animals; and ethnozoology as ethnosciences whose object of attention is all and any fauna species, and research subject is notions and conceptions about them in one or another cultural or ethnic milieu. The contributors are D.V. Vorobiev, N.S. Shishelov, A.A. Matusovskiy, and D.S. Gvozdikov.

DOI: 10.31857/S086954150000195-4

References

- Alves, R.R.N., and W.M.S. Souto. 2015. Ethnozoology: A Brief Introduction. *Ethnobiology and Conservation* 4 (1): 1–13. <https://doi.org/10.15451/ec2015-1-4.1-1-13>
- Clément, D. 1998. The Historical Foundation of Ethnobiology (1860–1899). *Journal of Ethnobiology* 18 (2): 161–187.
- Clément, D. 2012. *Le bestiaire innu. Les quadrupèdes. Collection “Mondes Autochtones”* [The Innu Bestiary: Quadrupeds. Collection “Mondes Autochtones”]. Québec: Presse de l’Université Laval.
- Gouabault, E., and C. Burton-Jeangros. 2010. L’ambivalence des relations humain-animaux: Une analyse socio-anthropologique du monde contemporain [The Ambivalence of Human-Animal Relations: A Social Anthropological Analysis in the Contemporary World]. In *Sociologie et sociétés* 42 (1): 299–324.
- Gres, R.A. 2017. Etnobotanika: otechestvennaia i zarubezhnaia paradigma, napravleniia i perspektivy razvitiia [Ethnobotany: The Domestic and Foreign Paradigms, Directions, and Prospects for Development]. *Nauchnyi al'manakh. Nauki o zemle* 1–3: 317–327. <https://doi.org/10.17117/na.2017.01.03.317>
- Kolosova, V.B. 2009. *Leksika i simbolika slavianskoi narodnoi botaniki: etnolingvisticheskii aspekt* [Lexicon and Symbolism of the Slavic Folk Botany: An Ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik.
- Radt, Ch. 1980. L’Homme et l’animale. Premier colloque d’ethnozoologie. Intro de Raymond Pujol [The Human and the Animal: The First Colloquium on Ethnozoology: Introduction by Raymond Pujol]. *Le Monde alpin et rhodanien. Revue régionale d’ethnologie* 1–2: 165.
- Rousseau, J., and M. Raymond. 1945. Études ethnobotaniques québécoises [The Quebec Ethnobotany Studies]. *Contributions de l’Institut botanique de l’Université de Montréal* 55. Montréal.
- Rousseau, J. 1946. Notes sur l’ethnobotanique d’Anticosti [Notes on the Anticosti Ethnobotany]. *Archives de folklore* 1: 60–71.
- Rousseau, J. 1948. Ethnobotanique et ethnozoologie gaspésiennes. (Simple notes) [Gaspesian Ethnobotany and Ethnozoology]. *Archives de folklore* 3: 51–64.
- Sokolova, Z.P. 1972. *Kul't zhivotnykh v religiakh* [The Cult of Animals in Religions]. Moscow: Nauka.
- Sokolova, Z.P. 1993. Zhivotnye v dukhovnom mire narodov Severnoi Sibiri (teoreticheskie aspekty izucheniia zoolatrii) [Animals in the Spiritual World of Northern Siberia (Theoretical Aspects of Studying Zoolatry)]. In *Rossiiskii etnograf. Etnologicheskii al'manakh. Antropologiya, kul'turologiya, sotsiologiya* [Russian Ethnographer: Ethnological Almanac: Anthropology, Culturology, Sociology], edited by Yu.B. Simchenko and V.A. Tishkov, 203–214. Moscow: IEA RAN.
- Willerslev, R., P. Vitebski, and A.A. Alekseev. 2016. Zhertvoprinoshenie kak idealnaia ohota: ob'iasnenie istokov domestikatsii severnogo olenia s tochki zreniia kosmologii [Sacrifice as the Ideal Hunt: A Cosmological Explanation for the Origin of Reindeer Domestication]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 154–175.
- Vinokurova, I.Yu. 2006. Vepsskaia narodnaia klassifikatsiia zhivotnogo mira (opyt rekonstruktsii) [The Veps Folk Classification of the Animal World (An Attempt at Reconstruction)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 126–139.